

— **30-го июля** к вечеру мы были уже в Енисейском. Отвёз нас туда с бабой Феней на "Волге" шофёр дяди Саши Макушина - по-прежнему второго секретаря Бийского горкома партии, сына тётки Даши - бабушкиной соседки и подружки. Баба Дуся осталась в Бийске - поросёнка кормить.

— Всё в Енисейском было как и десять лет назад, разве что домишко и прочие постройки бабы Фенины: сараюшки, ограды, погреб, сортир рассохлись и покосились добавочно, так ведь и тогда они неважно выглядели, да полы в доме скрипеть сильнее стали. За время бабушкиного отсутствия двор весь зарос цветами и сорняками, пройти невозможно. Баба Феня достала откуда-то ржавый, но острый серп, и я расчистил им дорожки к погребу, сарайчику и в огород к уборной.

Домик бабы Фени в Б.Енисейском

Дети же первым делом накинулись на малину, которая отходила уже, ягод было немного, но очень крупные и сочные. Сходили на Бию, я, конечно, со своей снастью, потренировался немного. За ужином ели картошку, яйца, помидоры - чем потом и всё время питались плюс молоко, да с собой мяса привезли немного из Бийска. Я выпил пару стопок самогонки, которую бабушка загодя припасла для гостей. Спать легли вчетвером на полу, баба Феня на кровати, спалось отлично после вечернего гулянья.

Баба Феня с правнучкой Ириной

— На следующий день - **31 июля** около полудня было солнечное затмение, почти полное, только узенький серпик оставался. Зона полного затмения проходила километрах в ста к северу. К этому событию мы подготовились заранее: закоптили над керосинкой кусок оконного стекла и через него разглядывали солнце, у которого постепенно выедался сначала небольшой кусочек с краю, а потом всё больше и больше, и когда Луна закрыла уже больше половины солнечного диска, на солнце можно было смотреть и без стекла.

Солнечное затмение, Б.Енисейское, 31 июля 1981 г.

В максимальной фазе затмения освещение стало не просто тусклым, а вообще необычным из-за того, что тени были не длинными, вечерними, а полуденными, и заметно похолодало. Курицы на улице нервничали и бегали туда-сюда, кошки попрятались, а народ, который не читал газет и не слушал радио, недоумевал - что это ещё такое с небом творится, что за мгла такая?

Весь этот день мы провели в хозяйственных работах. Сашуля стирала в огороде, я чистил погреб, который осыпался кое-где, углублял выгребную яму в уборной, подколачивал там отвалившиеся доски, выкопал новую яму для помоев, уничтожил тяпкой сорняковые заросли вдоль ограды огорода. Сашуля с Иринкой пололи картошку в огороде (выдёргивали кусты сорняков, которые местами торчали выше картошки), Митя собирал урожай лука и чеснока. Работы всем хватило, и бабушка тут ожила, распорядилась, руководила работами как настоящий прораб, мы ей во всем подчинялись.

А потом мы целую неделю жили воистину как баре. Наладился определённый распорядок дня. Я вставал раньше всех, на зоре, даже затемно ещё и уходил рыбачить. От плетёной лески я отказался - не получалось ничего путного с забросами. Привязал, как и все местные рыбаки, обыкновенную лесу в 0,4 мм с метровым поводком 0,2 мм и крючком 5-й номер. Эту снасть я натренировался забрасывать вполне прилично. Удилище же привезённое, телескопическое, себя вполне оправдало: лёгкое, гибкое, удобное.

Ловить пробовал в разных местах, в том числе и на любимых местах дяди Саши Доганова, увы, покойного уже - умер совсем не старым от рака, - за деревней вниз по течению, где мы с ним рыбачили десять лет назад, но не нашёл там особых преимуществ в клёве и приспособился ловить в одном и том же месте, самом ближнем к дому, с громадного бревна (брёвнами все берега Бии усеяны - остатки лесосплава, который по-прежнему регулярно проводится по реке), одним концом прочно завязавшим в береговой гальке, другим уходящим в воду под острым углом. На этом его конце я и просиживал часами, непрерывно перезабрасывая лесу.

Ловля чебаков на Бие

Поклёвки я быстро вспомнил как различать по изменению натяга, точнее, провисания лесы, а вот подсекать не всегда вовремя успевал. Уловы мои были невелики: от десятка до двадцати чебаков максимум, и это часа за два, за три, вечером обычно лучше, чем днём, но местным любителям-старичкам я не очень уступал. Чебаки небольшие - на сто граммов это уже крупный, но в целом покрупнее всё же, чем в Бийске ловят. Во всяком случае в жареном виде они разнообразили наше меню.

В десятом часу утра на речку приходили умыться и звать меня завтракать Иринка с Митей. После завтрака мы с Митей, а иногда и с Ириной шли ловить кузнечиков, пока ещё роса полностью не высохла и они не распрыгались так, что не поймашь. Ловили мы их на краю леса, что идёт над деревней, то есть за деревней вверх от речки в гору.

Потом шли на речку загорать и купаться и торчали там до обеда. Вода в Бие в этот раз отчего-то была гораздо теплее, чем в прошлый наш приезд - градусов 18, не меньше, скорее даже 19-20. Митя пытался, лёжа на воде вниз лицом и отчаянно барахтая руками, удерживаться против течения. Иринка уходила по берегу далеко вверх и оттуда сплавлялась течением посередине реки. Потом укладывалась на причалы для плотов и загорала с учебником химии в руках.

На "пляже" в Енисейском

— С химией она теперь не расставалась. Её друг - Дима Ужгин, старше её на год, соратник по школьным комсомольским делам, окончил в этом году школу и поступал теперь в Ленинграде в Военно-Медицинскую Академию. Ирина же решила (или они вместе решили) на будущий год ехать за ним вслед и поступать в Ленинградский педиатрический (по примеру тёти Майи Бирюковой), и готовиться начала уже сейчас.

— Сашуля не верила в серьёзность её намерений, а уж в тягу к медицине - тем более, разве что из-за Димы только. Будущее Иринки волновало Сашулю уже с восьмого класса,

и она очень огорчалась, что у Иринки нет никаких особых интересов ни к чему буквально. Одной музыкой занимается и то из-под палки. Ей почему-то казалось, что Иринкино призвание заключается в работе художника-модельера или специалиста по тканям, поскольку в школе Иринка всегда была загружена всякой оформительской работой (стенгазеты, плакаты) и выполняла её вроде бы с удовольствием, и ей надо поступать куда-нибудь в текстильный институт.

— Я же в ней особых художественных способностей не находил, а когда меня Сашуля спрашивала: - Ну, а ты как считаешь, куда ей поступать? - отвечал: - У неё ещё есть время определиться, что она сейчас понимает? А что касается профессий, то две я считаю почётнейшими - врача и учителя, хотя и неблагодарными, и невыгодными, и был бы рад, если бы Иринка врачом, например, захотела бы стать.

— Тут Сашуля на меня прямо накидывалась:

— - Иринка? Врачом? Да никогда она им не сможет стать! Для этого надо быть очень чутким, внимательным человеком, а она у нас эгоистка и несобранная. И химию терпеть не может, а там химия - основной предмет!

— - Ну, у неё ещё есть время исправиться. Все мы эгоисты, и все боремся с этим. Может, и она ещё поумнеет.

— И вот теперь Иринка загорает на Алтае с химией. К чему бы это?

— С двух до трёх мы обедали, потом я кимарил часок, другой, и мы снова отправлялись на речку, купались, а после пяти я усаживался на своё бревно с удочкой и в зависимости от клёва мог просидеть на нём и дотемна. Сашуля и Иринка вечер проводили дома в делах по хозяйству: стирка, обед приготовить на завтра, ужин на сегодня. У Мити был "штаб" - крыша курятника, куда он с опаской лазил по приставной лестнице, и, точнее, эта лестница-то и была "штабом", он проводил на ней изрядное количество времени.

— Иногда он ходил по гостям и отовсюду нёс гостинцы: там арбуз дадут, там - дыню, там - мёд в сотах, там - помидоры, там - огурцы, там - ещё чего-нибудь. Его на улице все привечали: - Экий правнучек у Фени красивый! - и зывали в гости, а он не отказывался и превратился у нас в снабженца.

— А лучшим его другом стал дядя Саша Макушин, который часто приезжал на "Волге" вечерами. Митя его на "ты" называл и очень к нему в гости рвался, прониклись они взаимной симпатией. Гостил у тётки Даши и второй её сын - Николай (у них с Макушиным отцы разные), лет пятидесяти мужик, тот тоже на "Волге" ездит, только за баранкой - других возит. Так он даже на речку за 200 метров исключительно на "Волге" ездил, чем был привлекателен для Мити.

— И рыбаком он оказался заядлым - недаром племянник Доганова (мать его и Стеша, жена Доганова, - родные сёстры). Пару раз мы с ним ездили рыбачить с ночёвкой на его "Волге" за деревню к домику сторожей колхозных овощных полей. Ловил чебаков Николай лихо - не хуже Доганова, и я с ним не мог тягаться, но главное для него в рыбалке, как и вообще в отпуске, была выпивка, и пил он, как говорится, по-чёрному, питаюсь при этом одними помидорами. Я и сам в то время выпить в любой момент мог, но за ним не угнаться было. Увы, через год он умер внезапно, почувствовал себя плохо за рулём, остановил машину, вылез из неё и упал, горлом пошла кровь... А тогда здоровяком казался.

— Часов в десять вечера обычно уже начинало темнеть, семейство моё приходило к речке умываться и звать меня ужинать. Я к этому времени уже начинал замерзать, сидя ногами в воде весь вечер, и дома за ужином не отказывался от самогонки, которой бабушка потчевала, но ограничивался парой стопок. Бабушка и в обед предлагала, но я отказывался - реакция на поклёвки не та будет, не смогу подсекать.

Вечером в Енисейском

— Ходили мы вчетвером как-то за грибами и довольно прилично насобирали маслят по краю леса. Найдём один и кричим: - Искать рядом! - и обязательно находили рядом ещё. А вот груздей не было совсем, они позже начинают идти.

— Далёко тогда ушли за деревню, а обратно возвращались по берегу Бии, купались, фотографировались.

На Бие за Енисейским

— Ходили как-то на "сусликовую" гору, норок очень много, а сусликов штуки три всего видели - попрятались они от жары. А в предыдущий наш приезд их гораздо больше было, и лежали как кошки, и столбиками стояли. И коршуны здоровенные в небе крутятся. Митя, когда к сусликам ходили, всё интересовался - сколько километров прошли?

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)